

Матьяна Алюшина

Две половинки

Татьяна Александровна Алюшина

Две половинки

Серия «Еще раз про любовь»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6283446

Алюшина Т. А. Две половинки : роман : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-64430-8

Аннотация

Они встретились и полюбили друг друга. Он – врач, сотрудник МЧС, выезжающий в горячие точки. Она – переводчица любовных романов, привыкшая к спокойной размеренной жизни. За плечами обоих – неудачные попытки построения отношений и одиночество. Вспыхнувшее между ними чувство оказалось столь сильным, что напугало обоих. Но смогут ли понять друг друга такие разные люди?..

Ранее книга выходила под названием «Просто о любви»

Татьяна Алюшина

Две половинки

*Моей замечательной племяннице Александре
Беляевой посвящается с любовью*

– Нет, ну надо же было в очередной раз так попасть?! А? – негодуя, вопрошала у провидения Стаська. – Ну не умею я ей отказывать, и все! Ну хоть бы раз! Придумала бы что-нибудь: свидание какое захудалое, например, или работу срочную!

Стаськины стенания начавшиеся с того момента, как она проснулась, были в пользу бедных, то бишь бесполезны. Поскольку отказать любимой тетке, именуемой в семье княгинюшкой, она не могла и, пожалуй, не знала никого, кто оказался бы на это способен.

А отвертеться и придумать путевую отговорку... а-а-а!
Бесполезно!

Отмазки типа работы и свидания, как говорится в том анекдоте: «Не канают!» Трудилась Стася сразу на трех работах – переводила для одной фирмы официальные документы с немецкого на русский и наоборот, для другой фирмы делала то же, но на французском, но основным местом своей занятости числила издательство, для которого переводила с французского женские любовные романы. Работы выходило до фига, но основная прелесть состояла в том, что при наличии компьютера и электронной почты трудилась де-

вушка исключительно дома, осчастливливая места трудового предписания своим появлением крайне редко. Поэтому сослаться на законный выходной и радостное отсыпание в субботу утром не было никакой возможности – спала Стася и так сколько хотела, в любой день, предпочитая работать до поздней ночи, и непосредственно ночью, при необходимости, возникавшей практически всегда.

Ну, а свидания... Это совершенно отдельная тема!

Словом, вчера, когда позвонила княгинюшка и выдала задание партии имени себя, отвертеться Стаське не удалось, хоть она и сделала все, что могла, а именно канючила, пугала тетушку всякими дорожно-транспортными ужасами, которые могут случиться на зимней дальней дороге.

– Ерунда! – прервала слабые попытки отделаться от задания княгинюшка. – Ты прекрасный водитель, и я тебя не в деревню Синюки прошу съездить! Это солидный академический поселок, там дороги расчищают!

– Когда это он академическим был? Теперь он, по большей части, новорусский!

– Тем более дороги чистят! Слава, я понимаю, что тебе не хочется, но мне срочно нужны эти тетради для книги! И ничего такого уж страшного – съездишь, проветришься, воздухом подышишь, дом проверишь, погуляешь. За городом сейчас такая красота! Зима настоящая – с морозцем, с чистым снегом, а не московская слякоть! Чайку попьете с Василием Федоровичем, поговорите за жизнь, ему будет приятно!

– Почему ты всегда придумываешь для меня какие-то суперзадания? – сдалась без особого боя Стаська.

Но выступить-то она имела право, бесполезно, зато хоть какая-то реабилитация для души!

– Слава, не вредничай! Давай, я тебя жду к вечеру, испеку твой любимый пирог.

– Ты испечешь или Зоя Михайловна? – съязвила Стася. Тетушка рассмеялась.

– Какая тебе разница? Главное, что вкусно!

Зоя Михайловна была не просто тетушкиной домработницей, а скорее членом семьи, домоправительницей и изумительно готовила. Стася все поражалась, как при таких разносолах и каждодневных вкусностях княгинюшка умудряется остаться стройной и подтянутой, в ее-то, тщательно скрываемом после пятидесяти лет, возрасте.

– Не надо пирога, у меня и так попа с джинсами в конфликте, – проворчала Стася.

Вот и пришлось ехать. А в одиночестве, за рулем, чего ж не поворчать на судьбинушку и железный характер любимой родственницы, тем более, когда, вырулив на МКАД, девушка благополучно угодила в беспросветную, нудную пробку, не добавляющую радости настроению.

– Нет, ну я-то знаю, куда еду по делам, а вот вы все за каким лешим в субботнее утро поперлись? – риторически вопрошала она у участников пробочного движения.

Стася включила приемник, молчавший до поры, пока она

с наслаждением предавалась ворчанию и придумыванию запоздалых отмазок от данного вояжа, и улыбнулась – смешно!

Противостоять княгинюшке мог, пожалуй, только президент, и то особым приказом, куда уж ей тягаться! Тетушка являлась для Стаси самым родным человеком, пожалуй, что в одном лице мамой и папой, и теткой, само собой.

Продвигаясь черепашьям ходом по дороге, в соседстве таких же автострадальцев, Стася улыбалась, думая о тетушке.

Серафима Андреевна Гольдина (по последнему мужу) родная сестра Стаськиного папы – Романа Андреевича Игнатова, была старше его на десять лет и «имела трудное удовольствие», как говаривала сама княгинюшка, трижды побывать замужем, но, к сожалению, детей у нее ни в одном замужестве не получилось.

– Мужья мои, слава богу, были не абы что, а вполне приличные люди. Я делала их, они делали карьеру – все справедливо. Теперь я могу спокойно, и заметь, комфортно жить так, как мне хочется, пользуясь плодами моих вложений в этих мужчин!

Не поспоришь!

Первый раз Серафима вышла замуж в двадцать два года, сразу по окончании с отличием исторического факультета и поступления в заочную аспирантуру, за своего преподавателя.

К моменту их скандального брака – преподаватель женится на студентке! – супруг имел кандидатскую степень и рев-

носно охранявшую его одиночество и принадлежность лично ей мамашу, с которой жил.

Энергичная Сима занялась карьерой мужа и укрощением мамыши всерьез.

За пять лет ее стараниями мужик из невзрачного измятого холостяка без особых амбиций преобразился в блистательного, подтянутого, стройного, одетого с иголки красавца, доктора наук.

Явные и разительные перемены имели неизбежные последствия в виде любовной интрижки со студенткой и чуть не стоили ему карьеры.

Серафима взялась уладить конфликт в институте и на кафедре, на которой и сама к тому времени работала, но с определенными условиями – развод и размен квартиры на два отдельных жилья. Когда родилась Стаська, Сима как раз пребывала во временной стадии «незамужества» и раздела имущества.

Странное дело, но с первым мужем Серафима дружит до сих пор, она еще не раз ему помогала в сложных ситуациях, выручала, потому что, несмотря на внешний лоск, характер у доктора наук, увы, не изменился. И похороны его мамы организовывала бывшая жена. Но это только тетушкины тайны.

Второй раз Серафима вышла замуж за доктора технических каких-то там наук, к истории как науке и профессии не имеющего никакого отношения, что не смутило княгинюшку ни на секунду.

– Ну, в бой, так в бой! – сказала Сима, активно знакомясь с технико-научной «тусовкой», вникая в тамошние интриги, традиции и пути карьерного роста. Здесь оказалось все сложнее, в силу времени, бытующего в стране, и национальности мужа номер два, с которой страна находилась в неприязненных отношениях.

Серафима Андреевна справилась – профессора он получил и...

И потом Сима помогла ему отбыть в Америку через обетованный для таких случаев Израиль.

Даром ей это не прошло, ее сильно прессинговали за бывшего мужа эмигранта из красот социализма, и Симе пришлось уйти с работы. Но тетя не особо и переживала, осела временно и с удобством в музее научным сотрудником, переждать шумиху. А искренне благодарный ей бывший муж-профессор, уезжая, оставил Серафиме квартиру и что-то там еще.

Но опять-таки это только княгинюшкины тайны и истории.

Как ни смешно, и со вторым мужем Сима дружит до сих пор: они перезваниваются частенько, переписываются по электронной почте, ездят друг к другу в гости. Сима однажды спасла ему жизнь в девяносто каком-то лохматом году, когда он попал в больницу, серьезно заболев, и позвонил ей проститься. Княгинюшка понеслась «в эту Америку», и тамошние врачи наконец поняли, почему русские победили во

Второй мировой войне – такую Курскую битву устроила им там Сима! Подняла всех специалистов на ноги, пригрозила миллионными судебными исками – словом, резвилась от души! Но профессора поставила на ноги, не отходила от него ни на минуту, кормила с ложечки, контролировала все процедуры реабилитации – ухаживала, как за ребенком.

И спасла-таки!

Третий, и «окончательный», как говорит Сима, раз она вышла замуж за академика Гольдина, подведя итог своей матримониальности: «за двадцать лет я наконец научилась выбирать мужей – от кандидатов наук, отягощенных мамами с мерзкими характерами, к красавцам академикам!»

Замечательный Евгений Симонович Гольдин кому был академик, а кому и дядя Женя.

Третье замужество стало для тетушки «Самым». Именно так, с большой буквы.

Единственная настоящая, сильная любовь и счастье от первого до последнего дня совместной жизни. Стася очень хорошо помнила, какой была в то время княгинюшка, как будто светилась изнутри, улыбалась все время, смеялась, шутила и все поглядывала на своего Евгеньюшку влюбленными глазами.

Он умер. Во сне. И больше Стася никогда не видела княгинюшку такой счастливой.

У Евгения Симоновича не осталось родственников. Вернее, они были, до определенной поры. Родители его дав-

но почили, с первой женой дядя Женя развелся задолго до встречи с Симой, братьев-сестер не имел, какие-то дальние родственники числились, но отношений близких не поддерживали. Был сын Саша, Стаська его хорошо помнила, он приезжал к ним часто – веселый, шумный, большой, до глаз заросший бородищей. Когда он появлялся, начинался шум, гам, смех, диковинные истории про тайгу, в которой Саша проводил большую часть времени, работая не то геологом, не то нефтяником. Там и погиб, в экспедиции. Дядя Женя и Сима тяжело пережили его смерть. Это Стаська тоже помнила – тишину и подавленность в доме, и тетушкины тихие слезы.

За неимением других близких родственников после смерти дяди Жени Симе досталась академическая квартира и дача в Подмосковном поселке, некогда прозванном «научным филиалом» за принадлежность ученым одного профильного направления.

Именно на эту дачу и заслала любимая родственница племянницу посреди зимы, мороза и снегопада.

У тетушки появилось новое увлечение – она *писала!*

После смерти Евгения Симоновича княгинюшка объявила себя одинокой дамой, потакающей своим капризам.

– Если сподобится появиться ухажеру какому – не откажусь! Но никакого сурьезу! Три замужества и одна большая любовь, мой Евгеньюшка, – более чем достаточно! Надо что-то и другим женщинам оставить, а то, как известно, замуж

выходят одни и те же. Буду чудить в свое удовольствие, благо мужьями обеспечена!

Слово «чудить» означало весьма широкий спектр интересов и подразумевало различного рода увлечения.

Перво-наперво Сима принялась путешествовать по Европам, с восхищением делясь впечатлениями, дополняя повествования фото– и видеоматериалами. Частенько таскала по заграницам Стаську. Когда новизна и острота восприятия притупились, к познавательно-развлекательным вояжам княгинюшка охладела, и от очередного интересного предложения туроператора отмахнулась:

– Хватит. Накаталась.

Далее последовало новое увлечение – эзотерика в различных формах и вариациях – от народной медицины до экстремальных тантрических занятий, вызывающих у Симы гомерический хохот.

– Нет, ты представляешь, – делилась она впечатлениями с племянницей, – оказалось, это все танцы вокруг секса! Я когда посмотрела, что предлагается вот эдак расслабиться, дышать, думать, двигаться, чтобы, пардон, достичь наивысшего духовного и телесного слияния, от души пожалела нерадивых, ей-богу! Если это у них называется «достичь», то что у них тогда происходит в обычной семейной жизни? Взаимный глубинный массаж органов в темноте и под одеялом? Я, знаешь ли, волнуюсь за молодое поколение, если им требуется заплатить деньги, и немалые, чтобы на глазах у еще

двадцати человек научиться правильно владеть своими органами!

Тантры охладили увлечение эзотерикой, подорвав доверие к данному предмету, от которого остались лишь напоминания в виде фэншуйских штучек в доме, дорожущего астрологического прогноза жизни на десяти листах и массы литературы, спрятанной «с глаз долой» в глубины книжных шкафов.

Еще Стаське с Зоей Михайловной пришлось пережить увлечения экспериментальными театральными постановками, «тусовками» в высших, но при этом околонучных кругах, попытки изучения китайского языка, японскую кухню и так, всякого разного по мелочи.

Но надо отдать должное Серафиме: за каждое новое увлечение она бралась со всей серьезностью, подходя к вопросу по-научному. Всесторонне изучала предмет, перелопачивая массу литературы, справочников, сведений из Интернета, вникая в суть, посещая лекции и обращаясь к специалистам.

Что вы хотите – кандидат наук! А еще характер!

Где-то в середине изысканий по интересам княгинюшка увлеклась йогой и занимается ею по сию пору, за что Стаська не перестает благодарить Бога, потому что ежедневные тренировки держат тетушку в прекрасной физической форме.

Нынешнее, последнее, увлечение, свалилось нежданно.

Серафиме позвонили из Академии наук и поинтересова-

лись, не осталось ли после смерти академика Гольдина каких-нибудь записей, любого свойства – научного или личного, так как в Академии принято решение выпустить серию книг о выдающихся ученых: их биографии, заметки родных и друзей, описание работ.

Надо знать Симу!

Она лично съездила на аудиенцию к ответственному секретарю и члену-корреспонденту академии наук, курирующему данный вопрос. Результатом randevу явилась не какая-то там «краткая биография», а заказанная к написанию полноценная книга о жизни Евгения Симоновича.

– Люблю себя в писательстве! – сверкнув глазами, объявила княгинюшка, явно загоревшись новой идеей.

Дневники, за которыми так беспощадно тетка отправила Стаську в субботу поутру на дачу, Сима вела, только когда жила с дядей Женей.

– Вот, представляешь, никогда не имела тяги зафиксировать мысли-события, а с Евгеньюшкой, само сложилось, рука тянулась, как знала, что он самое скоротечное, яркое в моей жизни.

Дачу, построенную еще родителями Евгения Симоновича, не менее известными учеными, в семье любили, относились с почтением и элементами благоговения.

Жизнь на даче для Стаськи была особенной – безалаберно-свободной, счастливой и пахла малиной!

Всегда малиной!

Огромные заросли одичавших кустов буйствовали по всему участку и неизменно, каждый год, приносили какой-то нереальный урожай.

– Сима! – кричал из кустов дядя Женя. – Ее все-таки надо проредить! А то малинник, как в тайге, скоро до дома дойдет!

– Да не будем мы ее прореживать, Евгеньюшка, зачем! Пусть себе растет! – отмахивалась Сима.

Диалог, повторявшийся неизменно из года в год, в первый день их летнего приезда. Они начинали перетаскивать вещи из дяди-Жениной «Волги» в дом, бросали это занятие вместе с барахлом на полдороге и все втроем забирались в малину.

Сейчас Стаська улыбалась, вспоминая те годы.

Странная штука сознание – мысли цепляются одна за хвостик другой, и куда тебя занесут плавные неторопливые размышления – неизвестно. О чем только не передумаешь и чего только не вспомнишь, стоя в пробках да в дальней дороге. Иногда такое наворотишь в уме – вроде только что думал об утреннем кефире, а спохватился – о кладбище! И поражаешься: господи, как это меня занесло?

Правда, философы утверждают, что все в жизни взаимосвязано, и утренний кефир вполне может обернуться вечерним кладбищем.

Вот ведь Стася начала день с бухтения и негодования, а смотри – ползет в пробке на своем «фордике», присыпаемом

сверху непрекращающимся снегом, – и улыбается, вспоминая лето, дядю Женю, малину, неспешные вечера на веранде за чаем и дачную вольницу!

Нет, на самом деле, чего куксилась, сопротивлялась? Ну, дорога сложная, так на то и зима, чтобы мороз крепчал и снег валил, а водитель Вася действительно хороший! Четырнадцать лет за рулем! Срок, между прочим!

Первую машину родители подарили Стаське в ее восемнадцать лет – «Жигули», пятерку, получив совместный «большой» гонорар.

Полгода Стася так старалась и до ужаса боялась водить, что от напряжения у нее постоянно болели спина, руки-ноги, голова. Доезжая до дома, девушка всегда страшно удивлялась, что умудрилась добраться из одного пункта в другой и не вдряться ни в какие ДТП.

Ничего, привыкла, и все получилось!

В водительском багаже имелись несколько несерьезных аварий, половина по ее вине, и всяческие мелкие происшествия. Так у кого не бывает!

Если бы не тетушка, Стася сидела бы сейчас дома, немного ленилась, много работала, на улицу и носа не высунула! Так чего изворчалась?

А никому не нравится, когда кто-то напридумывал дел и втягивает вас в их исполнение!

Обижаться на княгинюшку Стаська не то что не умела, а и представить не могла, как это возможно – с Симой они пре-

бывали в полном согласии. Ну, любила Серафима Андреевна иногда «поругать» окружающими, так и что? Характер такой!

У Стаськи-то и подруг задушевных не появилось за ненадобностью. У нее всегда была Сима – всеми своими тайнами, мечтами, обидами, разочарованиями и победами девушка делилась с княгинюшкой. Подруги, конечно, имелись, как же без них, но...

Серафима всегда была за Стаську, невзирая ни на что, даже если племянница набедокурила или упорствовала в своей неправоте.

Так было всегда. С детства.

Даже не так – еще до Стаськиного рождения Сима стояла за этого ребенка горой!

Роман Андреевич, Стасин папа, получился неожиданным сюрпризом, когда уж бабушка с дедушкой и не чаяли. И, как водится в таких случаях, был безмерно любим и без нее же, без меры, балован, и больше всех старшей сестрицей Симой. Но, на удивление, ни эгоистом, ни маменькиным сынком не вырос, может, благодаря открывшемуся с детства музыкальному таланту.

Мальчик был настолько одарен, что перешагивал через классы в музыкальной школе, и вскоре, благодаря стараниям своего первого преподавателя, оказался зачислен в Гнесинское музыкальное училище, по окончании которого по-

ступил в Московскую консерваторию.

Сам. Без блата и протезирования.

А какой мог быть блат, скажите на милость, у бабушки Елены Дмитриевны – преподавателя английского языка в вузе, и дедушки Андрея Ивановича – начальника заводской автоколонны?

Такой вот очень талантливый мальчик-скрипач получился!

В консерватории у молодого дарования Романа Игнатова случилась, помимо блистательных успехов, большая любовь к сокурснице-скрипачке, профессорской дочке Оленьке Ремизовой, тоже не обделенной талантом.

Только талант там не талант, но между фугами Баха и сонатами Моцарта, где-то в джунглях оркестровой ямы или на явочной квартире однокурсника образовалась у детей «нечаянная» беременность.

По тем-то временам – позор и крест на карьере!

Детский музыкальный сад, взявшись за ручки и потупив очи долу, явился к родителям Романа – каяться. Вызвали срочным порядком Симу, примчавшуюся на такси из одного спального района Москвы в другой, уселись за круглый стол – держать семейный совет.

Оленька тихо всхлипывала, Роман мужественно мял ее ладошку и поддерживал, обнимая за плечи, сам изо всех сил стараясь не пустить слезу от страха, Елена Дмитриевна держалась за сердце и за мужа, поглядывая на Симу в ожида-

нии, что та все решит, как обычно.

– А что решать? – громко возмутилась Сима. – Жениться! Консерваторию не бросать ни в коем случае! Рожать без вопросов! Воспитаем, поднимем! Чай не сироты казанские!

Слезы! Всеобщий восторг! Объятия, ликование! Обсуждение планов грядущих мероприятий!

Ага! Не тут-то было!

Родители Ремизовы устроили страшный скандал с выяснением отношений, вызовом всей семьи Игнатовых на ковер.

Как, их единственное дитя – талант, будущая всемирно известная скрипачка, надежда на светлое будущее – и загубить жизнь таким мезальянсом и скандальной беременностью!!!

Не бывать этому!! Ни-за-что!!

И что это за мальчик?! Кто его родители?!

Кто, кто?!

Преподаватель английского в архитектурном институте? Начальник – нет, вы только вдумайтесь! – автоколонны на заводе!

На заводе!!

У девочки папа известный в определенных кругах музыкант, с самим Ойстрахом за руку здоровается, профессор! Мама – певица камерного театра! Звезда!

А тут – ужас, позор, катастрофа!

Мы все исправим – мальчика отчислим из консерватории, в армию пойдет как миленький! Сделаем аборт, со знакомым

врачом уже договорились! Ничего, порасстраивается дочка, а там, глядишь, через годок и позабудет!

Но нежный цветочек, девочка Оленька, холимый-лелеемый ребенок, уперлась насмерть, проявив характер. Заявила посеревшему лицом отцу и маме, между ее приемами валидола и валерьяновых капель, что любит Рому, замуж за него пойдет и ребенка родит!

Для того чтобы стать действительно хорошим музыкантом, надо так вкалывать, проявляя характер ежедневно, закаляя силу воли, как спартанец! Характера у Оленьки хватало!

– Тогда ты нам не дочь, а мы тебе – не родители! – пригрозила слабым, но твердым тоном маман.

– Это ваше решение, и вы будете о нем жалеть! – не поддалась на шантаж Оленька.

На том и сошлись.

Родители Ремизовы ни на свадьбе дочери, ни в день рождения внучки и выписки матери с дочерью из роддома не присутствовали. Прислали сразу после ее ухода из дома все Оленькины вещи с водителем, и все. Правда, и от репрессий воздержались – ни исключать детей из учебного заведения, ни как-то вредить Роме не пытались.

И на том спасибо!

И стало у Елены Дмитриевны и Андрея Ивановича двое детей вместо одного. Плюс младенец.

Имечком новорожденную дочь молодые родители осчаст-

ливили еще тем!

И это отдельная история, из разряда семейных легенд, пересказанная Стаське бабушкой, родителями и Симой в разных вариантах тысячу раз, но всегда со смехом безудержным.

А произошло сие историческое событие так.

Семейство обитало в трехкомнатной хрущевке с «гованной» – достижением советской архитектуры: санузлом, совмещенным с ванной на миллиметровой площади – квартире, полученной от завода Андреем Ивановичем после рождения сына. Жили всем составом, а именно: бабушка-дедушка, молодые с младенцем и Сима, находившаяся во временном «незамужестве» и размене квартиры с бывшим, тогда еще только первым мужем.

В один из дней приходят воодушевленные, излучающие радость молодые родители, по традиции, держась за руки. Вернулись из ЗАГСа, где дали официальное имя дочери, запечатленное в свидетельстве о рождении.

– Мы назвали ее Станислава! – радостно сообщил родным юный отец девятнадцати годов.

– Как-как? – меняясь в лице, грозно переспросила Сима.

– Станиславой, – повторила юная мать, того же возраста и вдохновения, что и муж, и пояснила: – В честь великого Станиславского!

– Кого?! – уже гремела железным негодующим голосом Серафима.

– Станиславс-ко-го, – пролепетала Оленька, подрастеряв оптимизм под негодующим рыком Симы и заподозрив, что не все в семье разделяют их с мужем воодушевление от приобщения к «великому».

– А каким, позвольте узнать, боком Константин Сергеевич к консерватории и к скрипачам, в частности?

– Он гений! Выдающаяся личность нашего времени! – произрек Роман, но без особого напора, видя, что сестрица в негодовании и искренне не понимает логику их поступка.

– Ну ладно, гений, но к вам-то он, повторяю вопрос, каким боком? Или вы что, во МХАТ изволили сходить, «Вишневый сад» по Станиславскому смотрели до культурного экстаза, зашедшего так далеко?

– Мы хотели дать дочери значимое имя, понимаешь? – пояснил Роман еще неувереннее.

– Да?! Что ж тогда мелочиться! Почему не Моцарт? Скажем, нарекли бы Вольфганной, Бах, Вагнер, ну, на худой конец, Прокофьев?! – гремела, наращивая в голосе децибелы, Сима.

– Мы долго думали, – поделилась Оленька мыслями, приведшими к историческому решению, – но имена любимых нами композиторов трудно переложить на женский вариант.

– Да что ты?! – «посочувствовала» Сима такому «препятствию». – Тогда бы сразу Константиной обозначили ребенка!

– Мы хотели, – вздохнув, призналась Оленька и потупила глаза, на всякий случай, – но женщина в ЗАГСе нам отказа-

ла, сказала, что в реестре женских имен нашей страны такого имени для девочки нет.

– Спасибо тебе, советский чиновник! – возрадовалась от души Сима.

– Сима, что ты ругаешься? Хорошее же имя: Станислава – красивое! Говорят, что имя во многом определяет судьбу, а имя великого человека помогает! – заступился Роман за первое совместное «семейное» решение, принятое с женой, и на всякий случай обнял Оленьку за плечи.

– А о ребенке вы подумали?! – разлетался по всей квартире громовыми раскатами голос Серафимы. – Она же девочка! Вы хоть представляете, как ее будут дети дразнить?! А? Стасиком? Стасом? Или Слава КПСС? Вот вы сами как собираетесь ее называть?

Юные дарования переглянулись – нет, ну так далеко они не заглядывали – красивое имя, в честь гения, и вперед! А что еще?

– Ну?! – требовала ответа Сима.

– Ста-станиславо-ой, – пролепетала Оленька.

– Полным имечком, постоянно, я правильно поняла?

– Ну, Стасик... – выдвинул версию Роман.

– Как, как?!

– Тихо ты, Сима, Стаську разбудишь! – вошла в комнату к спорщикам бабушка.

Елена Дмитриевна прекратила дебаты, одновременно признав имя внучки и придумав домашний, укороченный

вариант.

Вот так и стала девочка Стаськой. Правда, княгинюшка называла ее исключительно Славой. Если и вправду имя определяет судьбу, то «Слава» звучит неплохо, может, что и определит!

А насчет того, что дети будут дразнить, тетка как в воду смотрела – намучилась Стаська, но... до определенной поры, пока Сима же не вмешалась и не научила, как надо действовать. Ну, это совсем другая история.

Повернув к поселку, Стася обнаружила, что почти приехала, и удивилась.

«Ну, надо же! За воспоминаниями и не заметила, как добралась – качу себе и качу!»

Она смотрела по сторонам, крутя головой во все стороны, не забывая осторожно продвигаться по скользкой, но таки расчищенной дороге – вот же тетка, провидица! По обочинам стояли величавые сосны в снежных шапках.

Красота!

И чего Стася сопротивлялась? Ехать не хотела?

Сейчас приедет, войдет в дом, пройдет по скрипучим половицам, вдохнет такой знакомый, ассоциирующийся с беззаботным счастьем запах, не выветривающийся даже стлой зимой, – свой, особый, присущий только этому дому – немного смолистый, немного с дымком, перемешанный с еле уловимым малиновым духом. Проголается по поселку. Может, в лес забредет, если кто протоптал там дорожки в снеж-

ных сугробах, подышит чистым, густым от смолистости и морозца воздухом и пойдет к Василию Федоровичу чай готовить!

Стася по дороге первым делом заехала в ближайший магазин и купила запасы пряников, его любимых конфет, конфитюр малиновый и вишневый – тайную страсть старика, и чаю предпочитаемого им сорта.

Стасе исполнилось тринадцать, когда тетка вышла замуж за Евгения Симоновича, и девочку стали привозить на летние каникулы сюда, на дачу. А когда ей исполнилось пятнадцать, умерла бабушка Лена, и Сима забрала к себе племянницу насовсем, и на дачу они ездили теперь уж не только летом, но и на все праздники и большую часть выходных.

Сосеждествовали со многими друзьями Евгения Симоновича, еще с детских его времен, так как в поселке ничего не менялось до грозных девяностых, и дети и внуки тех, кто получал участки от правительства за научные достижения, все так же ездили в «академический городок» и носились по окрестностям дружными детскими компаниями.

У Стаськи, разумеется, здесь тоже имелись друзья-приятели, но она предпочитала большую часть времени проводить с теткой и ее мужем.

Такая вот уродилась, сверстники интересовали ее постольку-поскольку.

Или ей повезло с Симой, и с ней было гораздо интересней?

Через два дома от дачи Гольдиных стоял добротный каменный двухэтажный дом со смешными флюгерочками в виде котов на крыше. Принадлежал он семейству Асокиных, известных ученых. Сергей Асокин – друг Евгения Симоновича с детских лет, с одной «академической» кухни. Жила с ними многие годы домработница Федоровна, как звали ее полным именем, никто уж и не помнит – Федоровна да Федоровна, и что она не член семьи, так это и давно Асокины забыли. А у нее имелся родной брат Василий Федорович, у которого врачи в совсем уж дремучие времена нашли какое-то заболевание и порекомендовали жить на природе. Асокины без раздумий поселили его в доме, предоставив полный спектр полномочий и прописку.

С тех пор Василий Федорович жил в поселке безвыездно. Пережив и буйное заселение новых русских с масштабным строительством дворцов, и «наезды» братков на предмет продажи дома и участка, и пару-тройку разборок со стрельбой между новыми «хозяевами», и канувших без вести большую часть первой волны новых хозяев, и перепродажи домов-дворцов другим владельцам, и установившуюся тишь да благодать после последнего водворения последних на данный момент домовладельцев.

Для Стаськи Василий Федорович, энергичный, непоседливый, юморной, являлся неотъемлемой частью дачной жизни. Ранним утром он развозил молоко, творог, сметану «для своих», за которыми ездил в ближайшую деревню на ста-

реньком велосипедике к некой бабе Нюре. А зимой присматривал за некоторыми академическими, еще «старорусскими» дачами, в том числе и за домом Серафимы Андреевны – расчищал дорожки, протапливал дом в особые морозы, гонял случайных бомжей. Если сам с лихими людьми не справлялся, бежал на другой конец поселка, звал охранников из «барских» домов на подмогу.

Словом, жизнь у дедульки была насыщена делами и событиями местного масштаба.

Все оставшиеся «бывшие», приезжая летом ли, зимой ли, шли к нему поздороваться, попить чайку, поговорить о жизни, выслушать поселковые новости, поблагодарить за «досмотр» домов и пригласить всенепременно к себе с ответным визитом.

Такая традиция.

Осторожно съехав с небольшого подъема – шипованная импортная резина, конечно, хороша, но против русского гололеда, пусть и присыпанного песочком и золой, и она ненадежна, – Станислава разглядывала нетерпеливым взглядом калитку своего участка, с расчищенным, утрамбованным возле нее снегом.

– Дай бог тебе здоровья, Василий Федорович! – вслух поблагодарила она, чувствуя радость от приезда и предвкушая встречу с неугомонным стариком.

Беседовать с Василием Федоровичем Стася любила. Он все прищуривался хитро, прицокивал языком, сыпал юмор-

ком, перемешивая речь простонародными словечками, а был-то мужичок не простой, а с образованием высшим и какой-то историей, покрытой мраком тайны, а все «косил» под дедка-шишка.

С ним всегда интересно беседовать, попивая неспешно чаек, смеяться его шуткам и острым точным замечаниям и непонятно почему рассказывать вдруг о себе, попадаясь на незатейливые, казалось бы, вопросы.

– Я те скока говорю, Стасенька, замуж тебе надобно! Мужика толкового, а то что ж, красавица така, и одна! Не дело!

Фраза-пароль, с которой начинался любой их разговор, и Стася точно знала, когда дед ее произнесет – вот выпьет половину первой кружки душистого чая, чинно водрузит ее на большое блюдо и приступит к разговору с любимого наставления.

Затормозив у родного крыльца, Стаська выдохнула:

– Ну, слава богу, добралась! И ведь княгинюшка, как всегда, оказалась права – и красота вокруг необыкновенная, и воздух, покой, и дороги почищены и песочком присыпаны, и машины ездят, не деревня Синюки Неурожайного района, а все ж таки академический поселок с новорусским уклоном! – Открыв дверцу и выбираясь из машины, добавила: – Или теперь наоборот – новорусский поселок с академическим флером прошлого.

Дорожка от калитки к дому была аккуратно расчищена, по всей видимости, вчера, сегодняшней непрекращающийся

снегопад успел похозяйничать, добавив работы для лопаты. Дом встретил Стаську радостно и пожурил за долгое отсутствие, вздыхая половицами.

– Здравствуй, дом! – поприветствовала она, входя. – Не жури, работа, знаешь, дела!

В доме еле заметно пахло дымком; не застарелым, а совсем недавним, малиновым духом; старыми книгами, занимавшими значительную часть жилого пространства.

Хо-ро-шо!

Знать, Василий Федорович протапливал печь. Третьего дня, в ночь, совсем уж лютый морозец для этих мест стоял, так старик расстарался, чтобы дом не промерз, и ведь не поленился – печь топил, спасибо ему огромное! В подвале имелся вполне современный бойлер, который отапливал весь дом, но печь сохранили намеренно, не поддаваясь искушениям нового времени, не переделав ее в камин. Сима твердо убеждена, что лучше, чем на печи, никогда не приготовить блинов, щей и гречневой каши, а уж варенье – это святое!

Пройдясь по комнатам, Стася зажгла везде свет, здороваясь с каждым углом дома. Нашла в столе, в кабинете Евгения Симоновича, заветные тетрадки княгинюшки, сложила к себе в сумку, чтоб не забыть ненароком, и задумалась, не протопить ли печь еще разок как следует, раз уж приехала.

И махнула рукой – обойдемся без излишней инициативы, которая, как известно, грозит исполнением. Лучше она

спросит у Василия Федоровича, надо ли. Ему видней: скажет «надо» – сделаем, куда ж деваться.

Еще раз обойдя весь дом и теперь выключая свет, проверив запоры на окнах, Стася старательно закрыла все двери и двинулась к Василию Федоровичу, по дороге, достав из багажника машины увесистый пакет с гостинцами.

Странно, но на участке ее не встретил Цыган – старый кобелина, помесь волкодава с овчаркой, верный друг и спутник соседа. Стася помнила его еще щенком. Василий Федорович нашел песика на берегу речушки, где кто-то утопил весь выводок, а этот как-то выбрался и скулил обиженно, маленький, непонятной серой масти комочек, вымахавший затем в здоровенного боевого зверину, несущего службу как надо, без дураков.

– Ушел, что ли, куда? – предположила Стася. – Тогда чего калитку не запер? Василий Федорович! – крикнула она.

Из дома на ее призыв отозвался воем Цыган.

– О господи, это что такое? – перепугалась Стаська и, торопливо толкнув дверь, вошла.

Уютный теплый дом встретил ее ощущением беды, мурашками, побежавшими по спине, и воем Цыгана, таким жутким, что у Стаси перекувырнулось сердце.

– Василий Федорович, вы где?

Она пошла на завывания. В большой гостиной, возле круглого старинного стола, прикрытого длинной скатертью с бахромой, сидел Цыган и, задрав морду вверх, ужасающе

ВЫЛ.

– Цыган, ты что, сбрендил?! – отходя немного от парализующего страха, прикрикнула она на пса, напугавшего ее до полусмерти.

И тут Стаська увидела ноги!!

Боясь и зная, что увидит, она сделала три шага вперед. На полу, на спине, лежал Василий Федорович, и у него было совершенно белое лицо и какие-то синюшные губы.

Цыган резко перестал выть и уставился на Стаську совершенно человеческим несчастным взглядом, просящим о помощи. В наступившей, как свалившейся, неожиданной тишине что-то тихо однотонно звякало. Стаська медленно повернула голову на звук и поняла, что звякают друг о друга баночки с конфитюром в пакете, который она держала в руке.

«Почему они звенят?» – оступело подумала Стася.

И тут заступорившаяся от страха действительность навалилась на нее со всей ужасающей четкостью: вот лежит Василий Федорович и, видимо, он умер, а банки звенят, потому что ее от ужаса колотит мелкой дрожью и она стоит, как парализованная, ничего не делает и только трясется.

Стаська откинула в сторону пакет, бухнулась на колени возле старика, схватила его за руку, неожиданно оказавшуюся очень тяжелой, пытаясь нащупать пульс.

Как там он щупается, черт возьми?! И что надо делать в таких ситуациях?!

– Василий Федорович, миленький, что с вами?

Он вдруг застонал и с трудом открыл глаза.

– Вы живы!! – заорала Стаська. – Какое счастье!! Что ж вы так пугаете?!

Пожалуй, она еще никогда не радовалась так в своей жизни.

– Ста-асенька... детка... – делая усилие, еле слышно прошептал Василий Федорович, – сам Бог... тебя послал...

Ну, так масштабно и смело Стаська бы не замахивалась, но на подручную Господа тетя точно тянула, одно имечко – Серафима – говорило о многом, а умение послать в нужное место и в нужное время, а некоторых в конкретном направлении оттачивалось годами! Чему Станислава и имела в данный момент подтверждение.

– Василий Федорович, что с вами? Я сейчас! – засуетилась она, сообразив наконец, что надо делать, и рыская по карманам в поисках телефона. – Я «Скорую»!

– Сердце... вот... прихватило...

– Вы давно лежите? Да где же этот чертов телефон?!

Выпростав ладонь, застрявшую в обшлаге дубленочного кармана, Стаська отползла на коленях к сумке, которая упала с ее плеча неизвестно когда, хорошо хоть рядом оказалась, а то ищи ее!

– Утром... снег убрал... чай пошел пить... и прихватило...

Безрезультатно поковырявшись в глубинах сумки, Стась-

ка торопливо вытряхнула содержимое на пол, нашла наконец телефон и столкнулась с новой проблемой: с перепугу, суетясь, она напрочь забыла, как набирать эту «Скорую» с сотового телефона!

Как?! Давай вспоминай!!

– Ты... подожди, – прохрипел Василий Федорович, – не приедут... они сюда... Ты, Стасенька... в семнадцатый дом... беги...

Стаська приблизилась к нему, подползла на коленках обратно, наклонилась, чтобы лучше слышать.

– Зачем в семнадцатый? – спросила она, видя, что старику совсем трудно говорить.

– Доктор там... очень хороший... известный...

Он замолчал, слепил синие губы, попробовал сглотнуть.

– Воды? – поняла Стася. – Я сейчас! – и уже метнулась, сделав движение, за водой.

– Подожди... – остановил он. – Потом... Ты за доктором... беги. Он мужик... хороший. Правильный... Утром приехал... я видел... я снег...

– Я сейчас! – отползая на коленках, пообещала Стаська и попросила: – Ты подожди тут, Василий Федорович! Не умирай только!!

Она вскочила на ноги и понеслась, как не бегала никогда в жизни.

«Семнадцатый – это в конце улицы, на противоположной стороне!» – сообразила Стася, вылетая из калитки на улицу.

«Улица» – это, пожалуй, слишком громко сказано, и тем не менее асфальтированная узкая дорожка – еле-еле разъехаться двум машинам, с угрозой поцарапать бока – даже название имела: «Имени Академика Павлова». Какого именно Павлова – не уточнялось, ибо известный всем и каждому академик к физико-математической направленности ученых данного поселка имел весьма сомнительное отношение. Может, у них свой Павлов имелся, поди разбери человеку, далекому от научных сфер, а может, у ученых мужей юмор такой – дескать, все мы живые существа с рефлексами, знаете ли, как у собачек, природу опять-таки любим. И в полном соответствии с этими рефлексами в первой половине субботнего дня улица «имени Академика Павлова» была пустынна – ни машин, ни людей.

Несясь как спринтер, Станислава умудрялась размышлять, пытаясь вспомнить, кто раньше жил в семнадцатом доме, вот сто пудов, никаких врачей там не наблюдалось, а принадлежал этот дом пожилой бездетной паре профессоров, очень милых и приятных.

Дом поразил своим преображением, это было добротное каменное строение с мансардой под крышей, оберегаемое высоким кирпичным забором с железными воротами для въезда машин.

Никакой кнопки звонка или цифровой панели домофона ни у ворот, ни у калитки не наблюдалось. Стаська забарабанила кулаками по железу:

– Откройте!! Пожалуйста!! Эй, хозяйева!!

Но ее заполошные крики и громохания по железной двери действия не возымели – на участке стояла перевозданная тишина, словно и не потревоженная ничьим нахальным вторжением.

– Да что он там, спит, что ли, этот «хороший мужик», известный доктор?! – возроптала Стаська.

Бабахнула еще пару раз, для очистки совести, на всякий случай, и призадумалась.

– А-а-а! И черт с вами со всеми! – решила она предпринять отчаянные действия, которые требовала критическая ситуация. – Собаки нет – и то хорошо! Никто не лает и не кидается.

Значит, выход один.

А что делать?

Прикинув, как бы половчее это сделать, Стася посмотрела на ворота в свете собирающейся воплотиться безумной идеи – нет, ворота ей не осилить – высоченные! А вот калитку...

Так! Если встать одной ногой на ручку, подтянуться, упираясь на ступню, хорошо бы еще держаться за что-нибудь!

За что?

За кирпичные столбы по бокам? О-очень хорошая идея, вот только практически не осуществимая!

– Ладно! Вспомним детство! – подбодрила себя Стаська и стала снимать дубленку, чтобы не мешала при выполнении сомнительных спортивных упражнений.

Повертела головой, осматриваясь, куда бы пристроить верхнюю одежду – ни вешалки захудалой, ничего подходящего в поле зрения не обнаружилось, и Стаська пристроила одежду возле кирпичного столба на снегу.

Детство у Стаси, как водится, было счастливое, но небогое, по крайней мере, по чужим калиткам она не лазила. И по своим тоже.

Деревья осваивала, в речку с мостика ныряла, по лесу шаптала, а вот калитки – нет, извините, не пришлось.

Но мадемуазель Игнатова с младенчества отличалась гибкостью и как-то, пока ей не надоело, даже посещала танцевальную студию. Посему первый этап прошел нормально, с достойным результатом – ногу подтянуть и взгромоздить ступню на ручку калитки ей удалось без особых усилий, но далее подразумевались акробатические этюды из серии «Чудеса!» – подтянуть тело вверх!

Цепляясь руками за кирпичные углы, матерясь потихоньку, неприлично отклячивая попу, с третьей попытки она таки это сделала – вползла наверх и улеглась животом на верхнее ребро калитки.

Станислава Романовна как-то не потрудилась подумать о том, что хозяев может попросту и не быть в доме – уехали или ушли куда-то, и тогда ей придется выбираться назад таким же образом, что со стороны смотрелось вполне определено: как попытка проникновения на чужую частную собственность с криминальными намерениями. Но даже если б

и подумала, то ее мало что могло сейчас остановить.

Подтянувшись повыше, она перекинула одну за другой ноги через калитку, повисла на руках и свалилась кулем вниз, пребольно плюхнувшись на пятую точку.

Фигня! Главное – получилось!

К счастью, никуда хозяева не уехали – вон машина стоит у ворот, не самый новый джип «Ровер», почему-то не загнанный в гараж – значит, дома! Протопав, как слон, по ступенькам веранды, Стаська заколотила в дверь и заорала:

– Эй!! Откройте!! Есть кто дома?! Пожалуйста, это очень срочно!!

И тут она подумала, что все бесполезно! В доме стояла тишина, и никто не собирался ей открывать, ну хотя бы для того, чтоб навалить по шее непрошеной нахалке.

И испугалась!

Осознав, что пока она тут по заборам лазает и орет как оглашенная, Василий Федорович лежит беспомощный, и «Скорая» действительно сюда не поедет, а если и поедет, когда она доберется в поселок-то!

Дверь распахнулась!

«Хороший мужик», и, вполне вероятно, что «хороший доктор» действительно спал. Если, конечно, открывший дверь здоровенный дядька, взлохмаченный, с помятым от подушки лицом, с голым торсом, в явно наспех натянутых и не до конца застегнутых джинсах и был искомый ею с таким упорством сосед.

– Вы доктор?! – не сбавляя громкости, допытывалась Стаська.

Он ошалело, непонимающе посмотрел на нее – орала Стася будь здоров!

– Доктор, – подтвердил мужик, решив, по всей видимости, что лучше согласиться с неадекватной барышней.

– Скорее, пожалуйста!!! – продолжала кричать Стаська, и руки просительно судорожно сцепила в замок, прижав к груди. – Там Василий Федорович!! Умирает!! Сердце!!

Взгляд мужика приобрел осмысленность, а с ней и суровость.

– Зайдите! – распорядился он и куда-то исчез.

Стася шагнула через порог, но дверь закрывать не стала, так и стояла на старте, готовая бежать. От адреналина, бурлившего в крови и колотящего сердце, или от холода ее билась крупная неконтролируемая дрожь. Как провинившаяся школьница, девушка переминалась с ноги на ногу и смотрела вниз на отпадавшие с сапог пласты снега, превращающиеся на полу в маленькие озера.

– Идемте! – откуда-то сбоку вышел дядька. Полностью одетый, в куртке, застегнутой до горла, и с медицинским ящиком в руке: – Далеко? Может, быстрее доехать?

Голос у него... класс!

Такой очень мужской, командирский, низкий с хрипотцой. Таким голосом скажет что-либо мужчина – и ты знаешь, теперь все в полном порядке будет – помощь пришла,

подкрепление успело, враги разбиты, крепость наша. А ты отдыхай, браток, ты молодец – со своей задачей справился, отойди в сторонку, сейчас большие все решат, сделают, спасут! В конкретном случае не браток – сестричка.

И Стаська поняла, что она действительно молодец, потому что если кто и может спасти, так только этот здоровый и угрюмый мужик!

А больше и никто!

– Нет, здесь близко! – сообразила она, какого ответа он от нее ждет.

– Вы как на участок-то попали?

Стаське показалось, что доктор усмехнулся, какой-то намек в его тоне сквозил.

– Перелезла через калитку, – оповестила она о своих спортивных достижениях. – Я стучала и кричала, но никто не открывал, ну, вот я...

– Понятно, – кивнул мужик, как о чем-то заурядном. – А почему раздеты?

– В дубленке неудобно лезть.

– Боевая, вы, однако, девушка.

И вот непонятно – не то похвалил, не то попенял, укоряя.

– Не очень, – буркнула Стаська, подбирая сиротливо брошенную дубленочку, когда они вышли с участка. – Я, вообще-то, нечасто по калиткам шарюсь, но Василий Федорович...

И они побежали.

Цыган и бровью своей собачьей не повел на появление чужого человека в доме, понимал, что хозяина спасать пришли, а может, и знал мужика этого, доктора.

– Ну, и что вы, Василий Федорович, барышень пугать взялись? – спросил доктор, опускаясь на колени рядом с больным.

Совсем другим, ничуть уже не командирским голосом – успокаивающим и обнадеживающим: «Ничего страшного, все в порядке!»

Вот такие метаморфозы!

Стаська стояла рядом и не могла отвести глаз от его больших покрасневших рук, быстро и очень умело обследовавших больного.

Странное с ней что-то творилось, никак последствия стресса.

– Ну, что, Василий Федорович, сейчас вас в больницу отвезем, – вынес вердикт «хороший доктор». – Кому зверя вашего на время пристроить?

Цыган повел умной лобастой башкой, поняв, что речь о нем, и заранее смиряясь: ничего, лишь бы хозяин перестал пугать и встал на ноги.

– Зинаиде Ивановне... Стасенька знает...

– Я знаю! – встрепенулась в боевой готовности она. – Я отведу!

– Отведете, – притормозил ее порыв командир, поднимаясь с колен, – только не прямо сейчас. Василий Федорович,

вы с Цыганом договоритесь, объясните ему ситуацию, а девушка мне покажет, где можно руки помыть.

– Инфаркт, – сказал доктор, когда Стася провела его в ванную, – и очень плохой инфаркт, надо кардиограмму сделать, тогда и посмотрим, насколько тяжелы дела.

И неожиданно спросил:

– Как вас зовут?

– Станислава, – ответила она, мысленно принимая оборонительную стойку.

И совершенно зря, как оказалось, никаких замечаний, неизменно следовавших за произнесением ее имени: «какое редкое, необычное, странное, неженское, мужское...» нужное подчеркнуть – ничего такого не воспоследовало.

Он просто отдал распоряжения:

– Вот что, Станислава, Василия Федоровича надо срочно госпитализировать. Вы сейчас отведете Цыгана, и, если там есть мужчина, тащите его сюда. Хорошо, что больной как упал, так и не двигался. Его вообще нельзя трогать, но придется.

– Я подгоню машину! – выдвинула предложение Стася.

– Это та, что через два дома стоит? Серебристый «Форд»?

– Да.

– Нет. Поедем на моей, так надежней будет. Здесь подъем, вы можете с первого раза не въехать на горку или забуксуете по гололеду, а лишняя тряска может убить Василия Федоровича.

Стася кивнула, ужаснувшись обрисованной перспективе, она и не подумала перечить, забыв побеспокоиться о своей бросаемой здесь на произвол судьбы и всяких возможных злодеев, машинке.

Но оказалось, что товарищ думал, не в пример ей, обо всем. Спокойно, рассудительно, не забывая о мелочах.

Как и положено вождю.

– Я сейчас ему несколько уколов сделаю, пока вы ходите, созвонюсь со знакомым из больницы, чтобы сразу к нему везти Василия Федоровича. Когда вы вернетесь, мы на вашей машине доедем ко мне, припаркуем на место моего «Ревера». От греха. Идите. Да, и дом свой проверьте, закройте и из машины все нужное не забудьте достать.

«Есть!» – она не ответила, хоть и подмывало по глупости или от того же стресса, кивнула, смутно напомнив себе китайского болванчика, постоянно кивающего головой, и заторопилась выполнять поставленные задачи.

Мужчину она привела, вернее, это сделала не Стася, а Зинаида Ивановна, и слушать не захотевшая Стаськины робкие отговоры. Вмиг собралась помочь другу в беде и кликнула по дороге соседа, постоянного жильца поселка, на подмогу.

– Да что ты, Стася, как же можно не помочь? А собрать его в больницу: документы, одежду какую, щетку зубную, мелочи всякие, тапочки!

«О господи! – простонала мысленно Стаська. – Еще и тапочки! А я его, как на кладбище, без ничего, без документов

и тапочек везти хотела!»

Василия Федоровича со всеми возможными предосторожностями вынесли на руках доктор с соседом, Зинаида Ивановна поддерживала его голову, больше мешая, чем помогая, но мужчины ее не отстраняли, больного загрузили на заднее сиденье машины, а командир отдал последние распоряжения:

– Зинаида Ивановна, вы за домом присмотрите, Василий Федорович не скоро вернется. Сможете здесь все закрыть?

– Конечно, доктор, не беспокойтесь: и печь почищу, и проверю все, и закрою, не беспокойтесь! – выказала готовность душевная соседка.

– Я вполне на вас полагаюсь, не хочу, чтобы беспокоился Василий Федорович, ему это сейчас никак нельзя. Станислава, садитесь к нему назад, поддерживайте голову и старайтесь удержать его от лишних движений!

Стасю удивило несоответствие внешнего вида «Ровера» – не самого «крутого» и модного – и его технических характеристик. Машина оказалась весьма и весьма мощной, с ровным плавным ходом и звучащим как музыка мотором.

Василий Федорович или спал после уколов, или не мог открыть глаза от слабости и боли, и дышал как-то тяжело, с прихрипыванием. Стася, придерживая его голову двумя руками, все прислушивалась к нему, боясь и предположить худшее.

Понемногу дыхание больного выровнялось – уснул, на-

верное, и она, слегка успокоившись, посмотрела в окно, на дорогу. Когда они проехали мимо поворота на райцентр, тихо спросила:

– А мы разве не в районную больницу едем?

– В Москву. Здесь я никого не знаю, – ответил мужик и посмотрел на нее в зеркало.

Стаська перехватила этот взгляд и вдруг подумала, что не представляет, как выглядит доктор. В переполохе она воспринимала его в целом – большой, широкий, высокий, обычное лицо, а вот какое именно, в деталях и не рассмотрела, только сейчас обратив внимание на его глаза – серые. Такие светло-серые, со стальным отливом и очень усталые. Как-то замученно-уставшие, застарелой, преодоленной, не единожды изматывающей усталостью, с темными до черноты тенями на веках и под глазами.

Странно, а ведь совсем по-боевому командовал на блокпосту – здесь мины, там мины, направо, налево, шагом марш! – спокойно, без надрыва и фанатизма.

Вождь, одним словом.

И поди ж ты догадайся, что устал командир!

А еще она со всей отчетливостью, детально запомнила его руки – большие, широкие ладони с длинными сильными пальцами, немного покрасневшие.

– Как вас зовут? – ни с того ни с сего спросила Стаська.

– Степан Сергеевич.

– Спасибо вам огромное, Степан Сергеевич! – уж совсем

не в огород бухнула Стаська.

Он не ответил. И взгляд отвел на дорогу.

Степан устал дьявольски.

Осатанело, за всякими человеческими пределами. Еще сутки назад он не понимал, как держится, а перейдя тот крайний рубеж, и задумываться перестал.

Он не спал без малого трое суток, но даже в такой непереносимой усталости не мог заснуть в самолете. Его организм был устроен странно – мог сутками дрыхнуть в поездах, в машине, на корабле в любую качку, не реагируя ни на какие внешние раздражители, вплоть до разбушевавшейся стихии, но никогда не мог заснуть в самолете.

А летать приходилось много, очень много. И часто. И на разные расстояния, как правило, далекие.

Никаких медикаментов в помощь индивидуальной работе организма – таблеток, инъекций, стимулирующих препаратов, Степан категорически не принимал, даже в случаях, когда казалось, обстоятельства вынуждают подбодрить, помочь телу и разуму. Он прекрасно понимал, что при его работе таких обстоятельств будет полно, а подсесть на зависимость, как некоторые его знакомые коллеги, можно запросто.

Сам справлялся. Это Степан умел.

Таким вот образом, на остатках силы воли и характере, он, не помня как, добрался нынче утром до дома и завалился спать.

Сразу. Прямоком с порога, стаскивая с себя одежду по ходу движения в спальню, забрался в кровать под три одеяла – дом-то не топлён – и вырубился напрочь.

Ему снилось, что он услышал слабый голос, доносившийся из развалин. Прислушался – да! Есть!!

– Живой!!! – оповестил он команду и отошел в сторону.

Теперь ждать. Ребята оценят высоту и сложность завала, под которым оказался человек, пути лучшего доступа.

– Вы разговаривайте, если есть силы!! – прокричал Лева человеку. – Чтобы мы вас слышали!

Человек под толщей бетонных обломков что-то тихо отвечал. Степану, стоявшему сбоку, не было слышно слов, только голос.

И вдруг, без команды и предупреждения, начались работы!

– Бух! Бух! Бух! – стучала дробилка.

– А-а-ах!! – сбрасывал в кузов обломки экскаватор.

– Кто разрешил?! – заорал Лева так, что вздулись жилы на шее. – Тишина!!!

И Степан побежал туда, к машинам, остановить работы. Он спотыкался, выворачивал ступни о края бетонных кусков, заваливших все вокруг, упал, рассек колено, поднялся и побежал дальше.

– Бух! Бух! Бух!

Степан сел на кровати, не открывая глаз.

– Да что за черт?!

Он спал? Проснулся? Или наоборот? Идет работа, а он заснул?

– Откройте!! Эй! Есть кто дома?!

Он тряхнул головой, пытаясь оказаться в реальности. Только вот в какой?

Ночной кошмар?

– Пожалуйста!! Это очень срочно!!

Глаза Степан смог открыть.

Так. Он дома. И кто-то тарабанит в дверь. И кричит.

Пожар, что ли?

Руки и ноги не очень-то слушались, когда он натягивал джинсы. Что там руки-ноги – голова совсем не соображала, но умудрялась кое-как отдавать команды телу, что и помогло Степану добраться до двери и как-то эту дверь открыть.

Ему даже удалось сообразить, что перед ним стоит миниатюрная девушка в светлых брюках, в свитере, перепачканном чем-то похожим на краску с ржавчиной, и без верхней одежды, и что это она тарабанила в его дверь, и совершенно точно – вот это никак не могло быть реальностью.

Значит, сон. Странный какой-то. Или все-таки пожар?

– Вы доктор?! – очень громко и звонко закричала на него девушка.

Степан слегка обалдел от напора и требовательности неизвестной гражданки, почему-то оказавшейся в его сне.

– Доктор, – ответил он, не отдавая себе отчета, что говорит.

Девушка продолжила что-то орать и сложила маленькие ладошки в замок, прижав жестом отчаяния к груди, как делали в старых немых фильмах, подчеркивая нарочитостью жеста сюжетную линию.

Эта ничего не подчеркивала и не изображала, а пребывала в настоящем отчаянии и испуге.

И тут до его отупевшего сознания дошло, что кто-то умирает, а эта маленькая перепуганная девчушка прибежала его звать на помощь.

И, как обычно случалось с ним в таких ситуациях, что-то переключилось на резервные батареи в мозгу, Степан мгновенно стал соображать и действовать.

– Зайдите! – приказал Степан и пошел собираться.

На автомате оделся, проверил ключи, телефоны, документы, похлопав по карманам куртки, взял медицинский ящик, внесенный в дом из остывающей машины автоматически, без участия мозга, посмотрел на часы, пытаясь понять, сколько ему удалось поспать.

Два с лишком часа.

Ладно. Продержимся!

Несчастье произошло с хорошо ему известным Василием Федоровичем. Девушка говорила это раньше, но Степан был тогда еще не совсем в адеквате и не понял, даже предложил подъехать на машине.

Этот старик ему нравился. Они чаевничали, беседовали, чаще у Степана, он приглашал в гости на пироги, когда они

перепали ему от мамы. Василий Федорович по-соседски предложил свою помощь приглядывать за домом в Степано-во отсутствие, частое и порой продолжительное. Степан принял предложение с благодарностью и большой долей облегчения. Поселок их тихий, частями охраняемый – теми частями, где осели богатеи, но лихих людей в России хватает, да и простого мелкого хулиганья.

А теперь вот беда... Василий Федорович был плох, это Степан понял сразу и тут же принял решение.

А девушка сильно перепугалась и переживала ужасно за соседа.

Хорошая девушка.

Ему сейчас было не до рассматриваний и оценок – ни до каких: ни мужских и не очень мужских, но то, что она полезла через калитку, чтобы помочь Василию Федоровичу, рискуя быть пойманной как воришка бдительными соседями или разбиться, свалившись с непокорившейся «вершины», ему понравилось.

А еще ее огромные перепуганные сострадающие глаза, смотревшие на него с мольбой и ожиданием чуда. Степан не отметил, да и вряд ли увидел, какого цвета у нее глаза, но тот ее взгляд запечатлелся в мозгу четкой картинкой.

Им повезло, пробок не было по всему маршруту движения. Сосредоточившись на дороге, в постоянном напряжении, боясь, что может отключиться в любой момент, Степан и не заметил, как добрались до места.

Подъехав к больничному шлагбауму, он объяснил вышедшему из будки охраннику, что их ждут, и стал набирать номер на мобильном.

– Леш, мы у ворот, – предупредил он, кивнул, благодаря, охраннику, поднимавшему шлагбаум, и не спеша поехал на территорию больницы.

Как только машина остановилась у приемного покоя, началась суeta. Степан Сергеевич выскочил из машины и вместе с людьми в белых халатах переложил Василия Федоровича на каталку, и они все как-то быстро ушли.

Стаська растерялась, отстав, и плелась сзади, прижимая к груди пакет с собранными заботливой Зинаидой Ивановной вещами.

– Девушка! – окликнули ее. – Вы с инфарктом приехали?

– Я? – удивилась Стаська. – Нет, я здорова.

– Да не вы! Пациент, которого сейчас доставили с инфарктом, вы с ним?

– Да. Да!

– Документы давайте!

Дежурная за стойкой приемного отделения, женщина пожилая, грузная и, на вид, строгая, как классная руководительница, в сверкающем белизной и хрустком от крахмала халате, подчеркивающим этот имидж, протянула руку.

– Какие документы? – тупила Стаська.

Женщина собралась было ответить, но, присмотревшись

к Стаське, спросила:

– Дочка, что ли? Да вы так уж не переживайте! У нас замечательные врачи! Если до нас довели живым, значит, вылечат!

– Да... – согласилась с какой-то частью ее речи Стася.

– Документы... – напомнила дежурная.

– Ах да, да! – засуетилась девушка и полезла в пакет.

Зинаида Ивановна головы не теряла, не в пример нервной барышне Игнатовой, собрала все необходимые документы, кому как не пенсионеру знать, какие могут потребоваться. Стася извлекла из большого пакета другой, маленький, прозрачный целлофановый, в котором были пачка бумаг, какие-то удостоверения и паспорт, и протянула регистраторше.

– Вы сядьте, посидите, я все заполню и вас позову, – пожалела ее женщина.

Стася кивнула – что-то она сегодня раскивалась, как заведенная, на каждый поступающий приказ, отвлеченно подумалось ей – и отошла к ряду кресел, стоявших вдоль стены. Но тут же спохватилась и вернулась:

– Да, вот его вещи, меня ведь к нему не пустят.

– Сегодня не пустят. Точно. Давайте, я оформлю и передам, – дежурная встала со стула и забрала у нее увесистый пакет. И никакая не суровая, а очень даже доброжелательная.

А Стаська села в кресло и принялась ждать Степана Сер-

геевича.

Ждать пришлось не особо долго – она успела пересчитать все кресла в больничном холле, выстроившиеся красными рядами вдоль стен, все линолеумные квадраты синего и серого цвета на полу. Затем расписаться в амбарной книге за отданные документы и на отдельном листочке с перечнем вещей, получить бумажку с телефонами справочной, узнавать о состоянии больного, вернуться на свой «пост», в кресло, и пересчитать все лампы на потолке, посмотреть в окно и понять, что уже темно в городе Москве.

Вечер.

В момент, когда в ее голове возник столь глубокий вывод, в конце длинного коридора появился Степан Сергеевич. Как-его-там, хороший доктор.

Он шел очень тяжелой походкой, и было очевидно, что силы у него кончились. Стаське сразу расхотелось язвить, шутить, в любой форме – вслух или мысленно.

Он остановился возле нее, посмотрел с сомнением на соседнее с тем, на котором сидела Стася, кресло и все-таки сел, сморщился, с силой потер ладонями лицо.

– Инфаркт. Обширный. Но он стабилен. Хромов хороший врач, да и Василий Федорович мужик крепкий. Сегодняшняя ночь все решит. Навещать его пока нельзя. Звонить, узнавать, как состояние, – можно.

Стаська смотрела на него, не отрываясь, поражаясь самой себе: как она могла подумать, что не рассмотрела его рань-

ше? Все она рассмотрела и запомнила в деталях, как сфотографировала, но, поддавшись панике и боясь за Василия Федоровича, отодвинула куда-то эти знания вместе со снимком.

Очень большой, беспредельно замученный мужик, с посеревшим от перегрузок лицом, темными, совсем темными, в чернь, кругами вокруг глаз и пожелтевшей, натянувшейся на висках кожей.

Все пределы усталости он перешел давным-давно, когда они еще существовали, напоминая о себе.

А он подтвердил очевидное.

– Не спал трое суток. Устал, – словно оправдываясь, пояснил он.

И Станислава Игнатова приняла решение.

Мгновенное.

У нее всегда так. Когда надо что-то решить важное, порой судьбоносное – без сомнений, излишних размышлений правильно-неправильно, что-то внутри нее срабатывало – раз, и действовать! А уж ошиблась она или попала в десятку, это потом разберемся. Стася и экзамены так сдавала, и собеседования важные, и в чиновничьи кабинеты входила, не понимая, как можно стоять под дверью, трястись, набираться смелости – нет уж, это другим девочкам! А Стаська шла с ходу, первой – потом расхлебывать будем!

Вот такая натура досталась!

Причем расхлебывать никогда не приходилось – в десятку, как правило, ну иногда не совсем так уж хорошо попада-

ла, но «на щите»! «На щите»!

– Дайте ключи от машины! – решительно потребовала Стася.

Когда Степан сдал Василия Федоровича на руки Лешке, посмотрел кардиограмму, обсудил с Хромовым диагноз и прогнозы, расслабился, то навалилась задвинутая на время силой воли тяжесть. Лешка, посмотрев на него с пониманием, предложил:

– Давай, Степан, я тебя на койку в отделении уложу. Выспишься, никто не помешает, я прослежу. Ехать тебе никуда таким нельзя!

В его состоянии ой какое заманчивое предложение, но... нет!

Он еще помнил, что там где-то ждет его с новостями девушка Станислава, и под дверью приемного стоит его машина, да и спать в больнице – нет, увольте, наспался в свое время!

– Нет, Леш, спасибо, я домой.

– Куда? – возмутился Хромов. – В поселок свой? Не доедешь, ты что!

– Разберусь, – без эмоций и воодушевления пообещал Степан.

В поселок, домой, он на самом деле не доедет, значит, остается в Москве. Можно к Вере поехать, правда, он и не позвонил, не сообщил, что прилетел, но это мелочи, пугает

другое – в Чертаново. Очень сомнительно, что он потянет и такое расстояние.

Тогда куда?

К родителям в Орехово или к любимой сестрице в Текстили?

То, что он куда-нибудь доедет, это не вопрос. Вопрос в том, чтобы сориентироваться, куда проще и быстрее отсюда добираться. И второе, пожалуй, главное: не попасть в пробку – в пробке он может вырубиться в момент и не заметить!

«Ладно. Разберемся!» – теперь уж самому себе пообещал Степан.

Девушка Станислава встретила его беспокойным выжидающим взглядом, не тем, что запомнился ему, а просто насто-роженным.

А глаза у нее карие, светло-карие, как гречишный мед.

Несколько секунд он принимал важное решение – сесть с ней рядом или постоять – вполне мог и не встать, расслабившись. Уступив соблазну, Степан сел, вытянул ноги и, не лучшим образом понимая, что говорит, рассказал о состоянии Василия Федоровича.

Она смотрела на него во все глаза, не отрываясь, если бы у него были силы, он, пожалуй, подивился пристальности, с какой его разглядывали, может, и смутился даже под таким-то взглядом.

Она неожиданно решительно потребовала:

– Дайте ключи от машины!

Ни на какие дебаты у Степана не осталось сил. Он достал из кармана ключи и протянул ей.

Зажав ключи в маленьком кулачке, девушка встала со всей решительностью и приказала:

– Идемте!

Он посмотрел на нее почти жалобно – что она от него хочет? Чего пристала со своими дамскими штучками?

– Идемте! – повторила она. – Я вас отвезу. Давайте поднимайтесь!

Ишь какая решительная девчушка оказалась! Маленькая такая, а бойкая, приказывает! Впрочем, можно было сразу догадаться, что дамочка боевая, раз взялась через калитки лазить во спасение чужой жизни.

Он стал подниматься. Ведь знал, что лучше не пристраивать сиденье поудобней! В три приема – упершись руками в подлокотники, наскреб силенок и решительности, подтянул ноги и вытащил себя из креслица, хлипкого для его телосложения.

Девушка помогала, стараясь, – ухватила его где-то в районе подмышки двумя руками и тащила вверх.

Надо возмутиться: не инвалид же он, в конце-то концов! А-а! К черту!

– Садитесь на пассажирское! – вовсю разошлась командовать хрупкая барышня Станислава.

Стараясь потише кряхтеть, он как-то запихнул свое требующее отдыха и отказывающееся слушаться тело в маши-

ну, обнаружив, что девушка успела за это время и сесть на водительское сиденье, и мотор завести.

«В Текстили все-таки ближе», – решил Степан, припоминая точный адрес сестры.

Но у милой барышни имелся свой сценарий передвижений по городу.

– Я отвезу вас к себе. Здесь близко, я в центре живу. В таком состоянии вы никуда сами не доедете.

Он малехо встрепнулся от такого заявления, и намеком не напоминающего приглашение, и посмотрел на нее. Она честно ждала, что он решит, не трогаясь с места, но и на него не смотрела, уставилась в лобовое окно.

– Я могу уснуть прямо здесь – и тогда все! Вы меня не разбудите.

– Потерпите! – улыбнулась девушка и рванула машину вперед. – Я быстро-быстро! Вы говорите что-нибудь!

Степан закрыл глаза и откинул голову на подголовник сиденья.

– Нет, нет! Не засыпайте! Скажите, а какая у вас специализация? В том смысле, в какой области медицины вы доктор?

– МЧС. Медицина катастроф. Экстремальная реанимационная хирургия и травматология.

– Это в смысле всякие там землетрясения?

– И они тоже. Стихийные бедствия, техногенные катастрофы, теракты, – не меняя позы, ответил он.

– Ух ты!

Степан не соизволил открыть глаза или каким-либо движением обозначить отношение к восхищенному восклицанию.

– И не думайте даже! – охладил он Стаськины восторги. – Обычная тяжелая и очень грязная мужская работа.

– Да ладно вам! – не сдавалась Станислава. – Спасать терпящих бедствие! Страна любит своих героев!

– Да. Пока они геройствуют.

Стаська видела, что доктор борется со сном, и потащила его в скользкую тему, которую мужчины ой как не любят – расшевелить немного.

– А что, Степан Сергеевич, вы против равенства полов: «мужская работа – женская работа»?

– Бросьте. Вы симпатичная девушка, производите впечатление весьма умной барышни, оно вам таки надо – эта ерунда, как говорит мой коллега-одессит? – без эмоций отозвался Степан Сергеевич.

– Не надо, – била рекорды честности Стася. – Это я так, чтобы вы не спали.

– Я не сплю. Пока.

Странный диалог с засыпающим мужчиной, готовым отключиться в любое мгновение, о социальных дебатах между мужчинами и женщинами или того хуже: о героических буднях. А куда деваться? Если он заснет, Стася его из машины не вытащит. Это он правильно сказал. Факт!

«Вляпалась ты, Игнатова, с разгону и без предупреждения!» – бесшабашно и отчего-то радостно, подумалось Стаське.

– А эти трое суток без сна оттуда? С героических будней?

– Без пафоса, Станислава, остыньте. Оттуда. Землетрясение в Восточной Азии. Слышали?

– Слышала! Я новости смотрю иногда. И что, каждый раз вот так, по трое суток не спать?

– Да нет. У нас все очень грамотно организовано. Когда масштабная спасательная операция, как эта, работают несколько медицинских бригад, сменяя друг друга. В этот раз всего лишь не повезло, повторные толчки, на врача второй бригады упал кусок арматуры и сломал ногу. Врач на замену больше суток до нас добирался. Ну, вот и пришлось.

– А вы говорите, никаких подвигов! – попеняла за скромность мадам Игнатова.

– Отсутствуют. В наших больницах многие врачи так работают, только это проще не замечать. Сейчас все больше в моде медицину помоями поливать и разоблачительные репортажи делать.

– А как ваша фамилия?

Говорил он с трудом, медленно, вот точно заснет прямо сейчас, и Стаська спросила про фамилию, чтобы расшевелить его – такой ход – бац, и неожиданный вопрос, заставляющий встряхнуться спрашиваемого, она где-то о таком читала.

Он, может, и встрепенулся, но позы не поменял, движений не произвел и глаз не открыл.

– Больших, – ответил он, и все.

– Не спите, Степан Сергеевич! – попросила Стаська. – Мы уже приехали, честное слово!

Он поднял голову, сел ровно и снова с силой потер руками лицо, словно пытался стереть невидимую пленку, мешающую видеть реальность.

– Да. Не сплю.

В субботу вечером поставить машину возле дома – задача из серии трудновыполнимых или удающихся под девизом «повезло». Но место, на которое обычно Стася парковала свой автомобиль, было свободно – спасибо соседям. По давнему уговору все счастливые обладатели автотранспорта в их доме, не имевшие гаражей, распределили места под окнами и старались придерживаться договоренностей, но всякое бывало, особенно в выходные.

«Ровер» был погабаритней Стасино «фордика», но она лихо втиснула его между двумя стоявшими авто с первого раза, обошлось без сложных выкручиваний колес.

– Идемте, Степан Сергеевич, совсем немного осталось!

Свое водворение в квартиру гостеприимной девушки Степан помнил смутно. Она засуетилась, развивая бурную деятельность. Выдвигала предложения одно за другим – ужин, ванна-душ, подождать, пока она перестелет белье на кровати. Он остановил поток активного гостеприимства:

– Станислава, ничего не надо! Просто спать. Прямо сейчас!

Он уснул, когда снимал джинсы. Стянуть с себя свитер и рубашку, расстегнуть и спустить штаны до колен ему сил хватило, а вот снять их до конца, оказалось, не судьба – уснул, как только сел на край кровати.

Упал на бок, головой на подушку, и все – как умер.

Станислава, тактично выйдя из спальни, когда он укладывался, вошла, переждав приличное время, проверить, как гость устроился. Она смотрела на него, спящего, с какой-то щемящей бабской жалостью и отругала себя, что взялась тут так проявлять, ведь понятно, что мужик без сил, какой тут политес! Осталась бы, помогла, и плевать на щепетильность, до нее ли!

– Вот так вот, господин Больших, а говорите, что не герой! – вздохнула жалостливо Стаська.

Стянула с него до конца джинсы, носки, переложив ноги на кровать, укрыла Степана Сергеевича одеялом и тихо вышла, выключив свет.

Затем послонялась маетно по квартире, не в состоянии сосредоточиться и понять, что надо делать. Подсказал организм, заурчав голодным желудком.

– Есть! Надо есть! – обрадовалась Стася плановому мероприятию.

Станислава любила и, что самое главное, умела готовить, не признавая перекусов на ходу всякой ерундой – укоренив-

шея навсегда бабушкино воспитание. А потому холостяцкой вольнице одинокой дамочки не поддавалась, готовя для себя, любимой, обеды. Вчера, например, расстаралась, сварганила плов с курицей.

В предвкушении ожидающей ее вкусности Стаська поставила разогреваться порцию плова и быстренько резала салатик из овощей, когда позвонила тетушка.

Из глубин прихожей еле слышно разлились позывные сотового, мелодийкой из «Мужчины и женщины», настроенной на княгинюшкины телефоны.

– Ах ты ж, господи! – очнулась Стаська от ступора несообразительности. – Я ж ей не позвонила!

Если б на кухне работал, по обыкновению, телевизор, то сотовый она и не услышала бы, да и домашний телефон тоже. Страшно подумать, что бы предприняла княгинюшка, не дозвонившись племяннице!

Спасательная экспедиция пожарных, милиции, «Скорой» и, до кучи, МЧС, отправленные в академический поселок, – самый мягкий вариант развития событий.

Тетушка, признававшая полную самостоятельность и право на личную территорию и жизнь племянницы, никогда ее не контролировала, отчетов не требовала – боже упаси! – но волновалась и переживала за Стаську, правда, старалась не демонстрировать так уж явно своей заботы.

Они созванивались каждый день, иногда по несколько раз, поболтать, обменяться новостями или потому что соскучи-

лись. В Москве, так уж сложилось, они оказались вдвоем и любили, оберегали друг друга, как могли.

Кстати, Стася и представить не могла, что бы она делала, если бы как-нибудь не дозвонилась тетушке!

Не стоит и представлять! Ей-богу!

– Да, да! Я здесь, здесь! – проорала она, откопав трубку в залежах полезных ископаемых своей сумки, брошенной в прихожей на пуфик.

– Я тебя отлуплю! – «поздоровалась» тетка громко. – И лишу наследства! Смерти моей хочешь? Мне вообще врачи рекомендуют воздерживаться, правда, не помню от чего, но рекомендуют же! А ты?

– Не шуми! Я осознала!

– Что с тобой случилось? Я звоню который раз, и ни один телефон не отвечает! Слава, ты в порядке? Ты где вообще?

– «Лучший способ ничего не узнать – настойчиво расспрашивать», – процитировала Стася.

– Вот что я тебе скажу, Слава: слишком ты начитанная. Для девушки это вредно. Более того – непростительно!

– Я так поняла, твое негодование иссякло?

– Нет. Кипит, но на малом огне. Ты жива, бодро отвечаешь, язвись понемногу, из чего я делаю вывод, что ты в порядке.

– Я – да! А вот у Василия Федоровича инфаркт!

– О господи! – растеряла воинственность княгинюшка. – Живой?

Прижимая плечом к уху трубку, Стася подробненько рассказала о случившемся: и о ходе спасательных работ, проведенных на пару с доктором Больших, и о благополучном поступлении в больницу. Дорезала тем временем салат, выключила газ под сковородкой, накрыла себе стол для трапезы, понимая, что есть и разговаривать придется одновременно, так просто тетушка ее не отпустит, не разогревать же все второй раз, да и дело привычное – трапезничать и болтать с Симой по телефону.

– Я правильно поняла, что этот «хороший человек» спит сейчас в твоей кровати? – заострила внимание на данном факте княгинюшка, выслушав, не перебивая, Стасю.

– Не могла же я его бросить! – оборонялась племянница.

– Господь с тобой! – праведно «испугалась» тетушка. – Такими кадрами разбрасываться преступно!

– Только ничего не выдумывай! – напряглась Стаська, заподозрив подтекст в теткиных словах. – Человек попал в трудные обстоятельства, а при этом бросился спасать Василия Федоровича, разве можно было не помочь?

– Ну разумеется!

Тональность утверждения осталась непонятной – не то скептицизм, не то полное поддержание проявленной племянницей человечности.

– Как, ты сказала, его фамилия?

– Больших.

Серафима помолчала.

– А ведь я его знаю! – поразила княгинюшка заявлением. – Точно, это он! Помнишь, когда Евгеньюшка попал в аварию и у него были страшные открытые переломы?

– Ну, еще бы! Помню! – подтвердила Стася осторожно.

– Меня тогда врач, который принимал Евгеньюшку в больнице, отвел в сторонку и сказал: «Если хотите, чтобы он полностью восстановился, встал на ноги и не хромал, попробуйте попасть к доктору Больших». Я спросила, что, мол, он светило какой, профессор, а врач усмехнулся. Нет, говорит, простой доктор, молодой причем, без званий и степеней, но гений. И если вам кто и поможет, то только он, я сделаю все, что могу, но...

– Да ничего такого я не помню! – возмутилась до глубины души Стаська.

– А я тебя и не посвящала в детали, не до того было! Я подключила все свои знакомства, какие могла, и договорилась. Знаешь, поразились, когда Евгеньюшку привезла на «Скорой» в эту больницу, в которой гений-то работал. Простая районная больница, и вышел нас встречать высокий, большой, замученный мальчик, по чьей-то там просьбе оставшийся после суточной смены специально, чтобы принять нас.

– Никакой он не мальчик, а здоровенный, хоть и замученный, мужик с седыми висками! – капризно возразила Стаська.

– Так сколько лет прошло! Десять почти. Тем летом ты как

раз экзамены выпускные сдавала. Неужели ты не помнишь? Ты ж в больницу к Евгеньюшке ходила постоянно, сталкивалась наверняка с его лечащим врачом?

Стася старательно напрягла память. Больницу помнила и дядю Женю, веселившего всю палату анекдотами и шутками, и как с помощью фломастеров разрисовывала его гипс цветочками и бабочками для «красивости и отдохновения глазу от белизны» по его просьбе. И как они втроем, с Симой и дядей Женей, тайно от медперсонала, распивали шампанское за ее окончание университета, и их застучала медсестра. А вот врача дяди Жениного...

Ей стало совсем уж обидно и жаль, что она не узнала, не увидела его тогда.

– Нет, не встречалась я с врачом.

– Зато сейчас встретилась! Москва – большая деревня, все друг друга, если не напрямую, то через кого-то знают. О нем тогда легенды ходили, этого Больших втихаря и к первым лицам цекашным вывозили лечить, если слухи не врут.

– Вывозить-то вывозили, но, как я понимаю, ни денег, ни наград и званий не давали. Правильно, зачем! Лечит себе и так докторишка! – неизвестно почему кинулась защищать Больших от несправедливости Стаська.

– Слава, ты чего? – остудила ее тетушка. – В нашей стране всегда так: либо дело делать, либо награды и звания получать, по-другому редко выходит. Теперь он, видишь, спасает людей в мировом, так сказать, масштабе!

– И не одобряет пафоса.

– Да ты что! Еще и скромным остался! Дела-а! А говорят, что перевелись мужики на Руси! Врут! – воскликнула тетя и переключилась на иные дела. – Ладно, пусть поживает твой герой. Перейду, пожалуй, к шкурному интересу. Слава, ты дневнички-то прихватила или не до них было?

– Повезло тебе, княгинюшка. Я сначала дом проверила, тетрадошки твои нашла и в сумку сложила, а после Василия Федоровича обнаружила. И закрутилось все. – Стася загрустила, вспомнив о машине. – Но ехать второй раз все равно придется, свое авто забирать.

– Хочешь, я Виктора попрошу, он на электричке доедет и перегонит твою машину?

Виктор, водитель индивидуального такси, тетушка вызвала его, если имела надобность куда-либо ехать, практически личный водитель, который благоговел перед княгинюшкой до восторга, выказывая готовность мчаться на ее зов в любое время дня и ночи.

– Посмотрим, – неопределенно буркнула Стася.

Они поговорили еще немного, тетушка старательно записала продиктованные Стаськой номера справочных телефонов больницы, чтобы узнавать о здоровье дачного соседа, рассказала о новом кулинарном шедевре, освоенном Зоей Михайловной, и удавшемся необыкновенно пироге, посетовав, что племяннице не довелось его отведать с пылу с жару.

– Приезжай завтра. На Кулишки ходим, в церковь, пиро-

га поедим.

– А бог его знает, что завтра будет, – не обнадежила обещанием Стася.

Попрощались они как-то невесело. Отчего бы это?

Полночи Стаська вертелась, крутилась, вздыхая тягостно, всё носились в голове обрывки каких-то тревожных, отгоняемых мыслей, впадала, как в омут, в короткий сон-забытье, просыпалась испуганно и начинала снова ворочаться неугоднонно.

Диван, на котором она устроилась в гостиной, уступив свою большую кровать-лежанку в спальней «хорошему доктору», не имел к ее растревоженному состоянию никакого отношения. Этот монстрик, как и кровать, радовал, можно сказать, потрясал своей монументальностью и при раскладывании превращался в трехместный, что вдоль, что поперек спортзал спальней возможностей. Стася сама, долго и упорно, выискивала себе «диванчик» не хилых размерчиков, не огрызок какой и примерялась, проводя в магазинах полевые испытания посредством укладывания тела на предлагаемые поверхности.

– Что ли, не в меру ты впечатлительная, Игнатова? Или барышня нервная? – выдвигала предположения своего беспокойства Стаська.

Вставала, плелась в кухню попить водички, посещала туалет, снова ложилась... и все повторялось.

Часа в три ночи Стася сдалась. Откинула одеяло в сторо-

ну столь решительным резким жестом, что оно разноцветной бабочкой упорхнуло через спинку дивана на пол. Ворча под нос нелицеприятные характеристики самой себе, Стасья подняла одеяло, бросила его на диван и пошла в кухню, исконно российское пристанище от всех забот.

– Хватит! – приказала себе госпожа Игнатова строго. – Все! Набаловалась! Давай напрямую!

А напрямую, откинув пенообразный камуфляж, из предлагаемых поводов своего беспокойства и бессонницы, выходило только одно:

– Итак, Станислава Романовна, – обратилась к себе она, – по всему получается, что угодила ты со всего размаху в обстоятельства непреодолимой силы, именуемые в народе просто и изящно: попадалово! Или по-домашнему, с намеком на изыск: попадос! Поздравляю!

Она включила чайник, достала чашку, заварку и машинально заварила себе чаю, а что еще делать в три часа ночи на кухне после таких открытий? Оно, конечно, можно и коньяку либо водочки дернуть за помин былой беззаботной жизни, но у крайне редко пьющей Стаси в доме спиртного не имелось.

Встав у кухонного окна и попивая маленькими глотками обжигающий чай, Станислава разглядывала ночной урбанистический пейзаж.

О чем думает женщина, стоя ночью у окна? Как правило, о горестном и печальном – о радостном видят счастливые и

сладкие сны, смеются и делятся своей радостью с окружающими. О фатальном думают в одиночку.

Ночью у окна. И днем, и утром, и вечером, и не только у окна – везде.

Ну и чем таким она мучается? Какое такое горе-то?! А?!

Руки-ноги на месте, голова тоже, работа есть, деньги зарабатывает, родственники – слава тебе, Господи! – живы-здоровы и в полном порядке!

– Что ты переполошилась? Ничего не случилось же! – сделала она последнюю попытку уговорить свое мечущееся сердечко.

Быстро поставив чашку на подоконник, пока не передумала, Стаська на цыпочках пробежала через коридор в спальню, стараясь не шуметь, вошла, включила ночник у кровати и стала рассматривать причину своего «попадалова».

Степан Сергеевич Больших спал, перевернувшись на спину, раскинув руки и ноги, как в русском поле, предоставившем просторы для отдыха, практически скинув с себя одеяло, лишь уголком прикрывшее часть левой ноги и кусочек трусов-боксеров с незатейливым рисунком ромбиком – любуйтесь! – во всей красе, полностью соответствующей фамилии тела.

Сон и отдых, пусть и непродолжительный, но исцеляющий, приглушил серый оттенок с кожи лица, поубавил теней вокруг глаз и височной желтизны.

«Сколько ему лет? Виски седые, и в волосах пряди седые,

на лбу морщины. Мужские такие морщины. Я о нем вообще ни черта не знаю!»

Думала Стаська, совершенно бесцеремонно, без глупых зазрений совести, разглядывая спящего мужика. Она постояла еще немного, порассматривала его, вздохнула тихонько и вышла, выключив свет.

«Странная штука – жизнь! – смиренно рассуждала Стася, вернувшись к своему чаю и наблюдениям. – Человек привыкает к определенным обстоятельствам, уживается в них удобно, и ему кажется, что это навсегда. Мы никогда не готовы к переменам, и ничего не предвещает, не предупреждает, но в одну секунду происходит что-то – и бац! Ты в новых обстоятельствах и «Здравствуй, новая жизнь!» Ехал себе, ехал, подпевал песенкам из радио, радуясь одиночеству в собственной машине, – и хлоп! Авария, или человек выскочил прямо тебе под колеса, и ты виноват! И все! Привет семье – попадалово полное! Или голова закружилась пару раз, ты к доктору, а он тебе диагноз из серии «Вы теперь инвалид!» Да что угодно! В один миг! Вон, инфаркт у соседа, а тебе дверь такой вот доктор открывает! Приплыли! Всё!»

Станислава Романовна Игнатова, разглядывая пустынную ночную улицу через кухонное окно, с ясностью прозрачного утра понимала, что все теперь переменялось.

С того момента, когда заспанный мужик в незастегнутых до конца джинсах распахнул перед ней дверь, началась ее новая жизнь.

До этого была старая, без Степана Больших и намека на возможное его присутствие в пространстве.

А теперь началась новая.

И наверняка все так же без его непосредственного присутствия. Теперь Станислава Игнатова живет со знанием, ежесекундным чувствованием существования в этом мире, городе, в одном временном пространстве, в параллельных непересекающихся проживаниях Степана Больших – это да!

Фатально и навсегда.

Инъекция в кровь, двадцать пятый кадр кодировки мозга.

А вот вместе, рядом, одной жизнью – господи боже мой! – извините, мадам Игнатова, с вашим-то везением...

Это не влечение, не влюбленность, не страсть безумная, все гораздо хуже и уж точно из разряда судьбоносных дел.

Назвать это любовью не позволял разум.

Что такого есть в этом мужике, что в один момент, в одну секунду перевернуло ее жизнь, вломившись без спросу, став жизненно необходимым?

– И стою я такая, «по колено в шоке»! – подытожила Стаська. – Ну и ладно! Чего уж теперь!

И еще посмотрим!

Она резко выплеснула остатки чая в мойку. Жидкость плеснула о борт, послав порцию брызг на шелковую пижаму Стаси.

– Все предатели! – поругала обстоятельства Стаська.

Она забралась в уютное тепло дивана и громко дала себе

установку:

– Я сплю! И ни о какой такой фигне и не думаю!

Взбила подушки, устроилась на боку, подоткнула вокруг себя удобненько одеяло, повозилась и затихла, настраиваясь на сон.

Минут через пять наступившей ночной тишины разда-лось громкое и четкое заявление:

– Твою мать! – обозначила обстоятельства Станислава Романовна, филолог, знающий в совершенстве четыре ино-странных языка, дочь известных талантливых музыкантов и племянница бомондной княгинюшки, на дополнительном пятом, факультативно-народном языке.

Степан проснулся от настойчивых требований организма посетить туалет, а по-простому – отлить, как можно быстрее, и никак не мог сообразить, где находится.

Имеющиеся в памяти варианты никоим образом не соот-ветствовали обозреваемой обстановке и интерьеру данной комнаты.

Проснуться неизвестно где и, самое главное, у кого, на неменяемых размеров кровати, не слабо как таковое, но хо-телось бы ясности для начала.

Потерев ладонями лицо, сбрасывая остатки сонливости, Степан сел на кровати и осмотрелся более осмысленно. На соседней, не тронутой ничьей головой подушке – слава тебе, Господи, не все так запущенно – лежал лист формата А4.

Большими, четкими, почти печатными буквами, для плохо читающих и малограмотных, по всей видимости, послание сообщало:

«Ушла в магазин. Скоро вернусь. Если Вы проснулись в мое отсутствие, пожалуйста, почувствуйте себя свободно, как дома. Если Вы захотите принять душ или ванну, на стуле для Вас приготовлено свежее полотенце. Средства до и после бритья Вы найдете в ванной на полке, там же на выбор шампуни и мыло. Если Вы очень сильно голодны, на этот случай на столе в кухне есть дежурные бутерброды – прошу! Чай, кофе там же, выставлены на стол.

Кстати, добрый день, Степан Сергеевич!»

Ну вот, ясность не преминула наступить! Он вспомнил вчерашние события и девушку Станиславу, гостеприимно и сердобольно предоставившую ему спальное место. Осталось выяснить территориальное местопребывание. В масштабах города, так сказать.

– Душ. Это она здорово придумала! Воспользуемся с удовольствием!

Он бодренько вскочил с кровати, чуть не стукнувшись с разгону об упомянутый в записке стул. Большое махровое полотенце с веселеньким цветочным рисунком было аккуратно сложено, а поверх него красовались одноразовый бритвенный станок и зубная щетка в упаковке.

– Душевное вам мерси, Станислава! – фонтанировал радостью бытия выспавшийся Степан Больших.

Он услышал, как она пришла, когда принимал душ. Тяжело и громко хлопнула входная металлическая дверь, что-то бухнулось на пол, наверняка неподъемные пакеты с продуктами.

Ну не сама же Станислава, как ее там по бабушке!

Хорошо, Степан в последнюю минуту спохватился и взял с собой в ванную комнату одежду, а то по привычке одиноко проживающего мужчины, протопав в душ голышом, с поправкой на трусы, не снятые в чужом доме, вышагивал бы сейчас весь такой brutальный в полотенчике на бедрах, «гость дорогой»!

Кстати, насчет трусов... Процесса своего раздевания перед сном он не помнил, не Станислава ли бабушка постаралась? Как-то неудобно получается. Впрочем, не стоит заморачивать голову ерундой – ну, получилось так, что ж поделаешь!

Застегивая рубашку, он вдруг поймал себя на том, что почему-то волнуется.

– О как! – подивился себе Степан. – Что бы это значило? – Спросил он у своего отражения в зеркале. Отражение многозначительно молчало, саркастически ухмыляясь. Ну и пусть его!

Степан вывалился из ванной комнаты с остатками клубов пара.

– Станислава?

– Я на кухне, Степан Сергеевич, идите сюда! – отозвалась

хозяйка.

Она выкладывала из пакетов продукты на столешницу, услышав его шаги, повернулась и улыбнулась навстречу.

У Степана что-то икнуло внутри от этой ее улыбки, которую он увидел в первый раз. Вчера она все больше беспокоилась, пугалась, смотрела на него как на последнее спасение.

Такой бы взгляд, обращенный к каждому мужику, – страна не знала бы, куда героев складировать!

Но эта ее улыбка! Охо-хо-шеньки!

– Здравствуйте, Станислава! – вспомнив, что надо говорить, поздоровался Больших.

– Здравствуйте! – улыбалась она.

Черт! Не надо так улыбаться!

Он старый, осознанно одинокий, битый-перебитый, замызганный волчара, и ему не должны ТАК улыбаться девушки! Как давно потерянному любимому, которого и не чаяли встретить, а вот, увиделись, как герою девичьих грез, как самому...

Черт!

Это следовало запретить законом!

Она такая миниатюрная, не субтильная и тоненькая, а вполне даже при формах: и грудь, и попка, и талия между ними, узенькие ладошки, узенькие маленькие ступни босых ног, шлепающих по плиткам кухонного кафеля, стильная стрижка с косой челкой. И как это у них там называется? Ну, такие прямые, как рваные пряди, не достающие до

ключиц, которые девушка постоянно заправляет за маленькое розовое ушко, чуть склонив голову к плечу. И гречишного меда, переливающиеся смешинками, задорные глаза.

«Сколько ей лет?» – вдруг отчетливо, с намеком на туманную перспективу, подумал Степан.

И тут же оборвал себя, обругав почему зря.

Господи, о чем он думает! Ему нельзя думать о ней с какой-либо там перспективой, ему вообще о ней думать нельзя! И разглядывать ее, и замирать чем-то мужским в животе, и холодеть, чувствуя бегущие по позвоночнику мурашки от гречишно-медовых глаз, розового маленького ушка, женственного наклона головы, умопомрачительных прядей волос, тонких пальчиков с ногтями, похожими на миндальные орешки!

«Совсем ополоумел! Ты что?! – рывкнул на себя Степан. – «Запретная зона»! Эта девушка не «позвоню-увидимся»! Ничего легкого с такими не проходит! Барышня Станислава из разряда тех, в которых вдряпываются с потрохами и окончательно! Остынь! У тебя есть Вера, спокойная, налаженная жизнь! Куда ты полез?!»

– Я позвонила в больницу! – радостно оповестил объект, будоражащий нечто в глубинах мужских инстинктов господина Больших, перепугавших хозяина не на шутку. – Состояние стабильное, изменений нет!

– Что и следовало ожидать, – поддержал светскость предложенной беседы Степан.

– Живой, уже хорошо! А изменения к лучшему будут обязательно! – жахнула оптимизмом Стаська.

– Будем надеяться, – выказал осторожность гораздо более сведущий доктор Больших и чинно спросил, указывая на высокий стул у барной стойки, завершающей длинную столешницу. – Вы разрешите?

– Да бросьте вы «паркет» этот, Степан Сергеевич! Что вы, ей-богу!

– Ладно. Брошу, – согласился Больших, устраиваясь на стуле. – Вам чем-нибудь помочь?

– Да. Скажите, что вы не едите? Принципиально или по каким-то другим причинам?

– Я ем все, чем откровенно горжусь.

– Повод, согласна! – похвалила Стаська. – Да, как ваше самочувствие? Выспались?

– Более чем. А сколько я спал?

– Двадцать часов. Или около того.

– Тогда выспался, – улыбнулся он. – Спасибо вам, Станислава.

Стаська улыбалась, посматривала на него, стараясь делать это незаметнее, накрывала стол на двоих, но тут притормозила, не донеся тарелку до столешницы.

– Меня никто не называет полным именем. Это как-то... непривычно и жутко официально.

– А как вас именуют?

– Почти все зовут Стасей, Стаськой, а тетушка – Славой, –

продолжив накрывать на стол, уведомила она.

– «Слава» – это, пожалуй, обязывает.

– Вот и она так думала, что когда-нибудь обяжет. Но племянница не оправдала возложенных надежд!

– Что так?

Он с удовольствием принимал участие в легкой беседе, мимоходом удивляясь, чему так радуется.

– Не стали звездой эстрады? Или какой-нибудь еще звездой?

– И не пыталась! Амбиций, знаете ли, нет, звездность не интересует ни в каком виде, – пожалала весело плечами Стаська и наигранно вздохнула: – Не удался отпрыск!

– Тетушка разочарована?

– Да ни боже мой! – рассмеялась Стася. – Я ее вполне устраиваю такая, какая есть! У нас взаимное обожание!

Стаська обозрела результаты своих стараний по сервировке стола, осталась довольна и широким жестом пригласила к трапезе: – Поскольку время к вечеру, предлагаю обед. Вы наверняка голодны.

– Наверняка и очень! – улыбался Степан.

Она все успела – и думы передумать, и запретить себе все передуманное, и княгинюшке позвонить, и в больницу, и приготовить грибной суп и лазанью с курицей и грибами, и в магазин сходить... и снова передумать думы.

И сказать себе решительное: хватит!

«На самом деле, хватит сердце рвать. Что будет, то будет!»

Он на тебя и не посмотрит! Чего ему на тебя смотреть? Это ты, Стасенька, напридумывала себе любви-переживания, а ему-то что? Ему до вас, девушка, интересу нет!»

И постановила: надо радоваться тому, что есть в данный момент – совместному обеду, легкой беседе, возможности дружеских отношений на основе интереса к здоровью Василия Федоровича, а там... Далее следовало минное поле с известными последствиями!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.